

БОНДАРКО А. В.

НОСИТЕЛЬ ПРЕДИКАТИВНОГО ПРИЗНАКА

(На материале русского языка)

Выделяя из проблематики субъектно-предикатно-объектных отношений [1—8] вопрос о носителе предикативного признака, мы рассматриваем это понятие в двух аспектах: 1) структурном и 2) семантическом. Имеется в виду 1) предиктируемый компонент синтаксической структуры предложения, которому соответствует субъект (в пассивных конструкциях — объект); это понятие охватывает класс синтаксических единиц, возглавляемый подлежащим; 2) соответствующий данному структурному компоненту семантический предикандум.

Поскольку характеристика носителя предикативного признака включает определенное отношение к субъекту (а также к объекту), целесообразно остановиться на некоторых сторонах соотношений «субъект (С) — предикат (П) — объект (О)».

О семантическом субъекте и некоторых других исходных понятиях

Для многих современных исследований характерна ориентация не столько на обобщенные понятия С и О, сколько на более частные, хотя и типизированные функции, или семантические роли, — такие, как агент или бенефициант [9]. В проводимом нами анализе субъектно-предикатно-объектных отношений данный уровень функций также учитывается, однако основную роль играет более обобщенный уровень С и О как семантических инвариантов (ср. трактовку С и О в концепции диатез и залогов А. А. Холодовича [10], «уровень обобщенных семантических ролей» в интерпретации В. С. Храковского [11], С и О как «функциональные значения» в понимании В. М. Солнцева [12], а также понятия актора и претерпевающего (Undergoer), по Р. Ван Валину и У. Фоли, в их отношении к падежным ролям [13, с. 384—389]).

«Материальным носителем» типизации и обобщения содержания С, П и О являются сами синтаксические конструкции, выражающие эти категории. Типы конструкций в их ограниченном составе рассчитаны на выражение типизированных и обобщенных субъектно-предикатно-объектных отношений, представляющих собой грамматическую подсистему, которая выступает при выражении речевых смыслов в вариантах, обусловленных взаимодействием системы и среды [14].

Теоретические основания разрабатываемого нами типа функциональной грамматики предполагают, что языковые значения и функции заключают в себе смысловую (депозитивно-понятийную, «отражательную», универсальную по своей природе) основу и ее языковую интерпретацию (интерпретационный компонент). С каждой формой связана особая язы-

ковая интерпретация смыслового содержания [15, с. 23—28]. Такой подход к языковой семантике распространяется и на анализ субъектно-предикатно-объектных отношений.

Говоря о с е м а н т и ч е с к о м с у б ъ е к т е, мы имеем в виду тот элемент семантической структуры предложения, который выступает как субстанция, являющаяся источником приписываемого ей неpassивного предикативного признака. Как источник данного признака в языке интерпретируется тот (то), кто (что) производит — намеренно или ненамеренно — действие (*Кто-то идет; Выходить мне замуж?; Официант уронил поднос*), выполняет функцию реципиента (*Я получил письмо*), находится в определенном состоянии (*Зубы болят*), выступает как бытующая субстанция (*И не такое бывает*), является элементом отношения (*Это от многого зависит*), носителем свойства (*Она умна*), элементом, включаемым в некоторый класс (*Он студент*) и т. п.

П р е д и к а т в соответствии с распространенным истолкованием этого термина трактуется далее как понятие семантическое (хотя и сопряженное с теми или иными средствами формального выражения — с «формой предиката»). Предикаты действия, состояния, отношения, бытийности свойства и т. п. соотносят — с точки зрения говорящего — содержание высказывания с действительностью по актуализационным семантическим категориям (таким, как модальность, темпоральность, временная локализованность, персональность). Аналогичным образом трактуется понятие «п р е д и к а т и в н ы й п р и з н а к» — семантический признак, сопряженный с той или иной языковой формой.

Говоря о б ъ е к т е, мы имеем в виду элемент семантической структуры предложения, выступающий как зависимая от предиката неактивная субстанция, на которую направлен или которой так или иначе касается предикативный признак. Смысловая зависимость О от П представляет собой противоположность статусу С как детерминирующего (каузирующего) источника предикативного признака. Неактивность О — противоположность неpassивности С (ср. данное Ю. С. Степановым истолкование признаков активности / неактивности в субъекте, глаголе и объекте [16]).

Между С и П существуют разнонаправленные отношения взаимозависимости (ср. взаимосвязь неконкретной референции П и обобщенности С: *Навстречу ему пронеслась ободранная извозчицья пролетка, — лихо несутся уездные извозчики!* — И. Бунин. Деревня [17]). Семантические и структурные взаимосвязи между С и П в их языковом выражении, на наш взгляд, могут быть с достаточной полнотой выявлены на основе концепции двупершинной семантической и синтаксической структуры предложения.

На наш взгляд, не утратили своей актуальности суждения А. А. Шахматова о том, что в предложениях типа *Собака убежала; Книга исчезла* и т. п. в психологическом субъекте, соответствующем подлежащему, заключены «...представления, господствующие в отношении признаков, выраженных в соответствующем сказуемому психологическом предикате; действительно, эти активные по своей природе признаки являются производными в отношении к производящим их субстанциям; правда, книга исчезла не сама, — ее спрятали, утаили или затеряли люди, но в данном суждении производителем признака выставлена она» [18]. Ср. понятие «актор» в истолковании Р. Ван Валина и У. Фоли, охватывающее участников ситуации, которые «представляют, обуславливают, вызывают или контролируют ситуацию, обозначенную предикатом» [13, с. 384]. Под это понятие подводится не только агенс, но и, например, инструмент в случаях типа *The hammer smashed the widow* «Молоток разбил окно»: «Несмотря

на то, что он не организует и не контролирует действие глагола, он производит действие сам и потому является актором» [13, с. 388].

Итак, существенная сторона соотношения «С—П» заключается в представлении С как источника (каузатора) семантического неактивного предикативного признака. В известном смысле С детерминирует, каузирует предикативный признак. Наиболее ясно это выражено в тех случаях, когда С — агенс, однако признак «креативности» выявляется и в других разновидностях С.

В языковой интерпретации субъектной семантики определяющую роль играет значение агенса. Остальные семантические разновидности С в их языковой интерпретации, в особенности в позиции подлежащего, могут подвергаться воздействию «эталонной» агентивной разновидности. В частности, с типизацией (грамматикализацией) языкового представления С по доминирующей модели «С — агенс» связана персонификация неодушевленных предметов.

Когда решается вопрос о том, в каком элементе предложения представлен С и в каком — О, определяющим фактором является отражение в семантике предложения действительности: кто во внеязыковом мире производит действие и что (или кто) выступает как объект, на который оно распространяется. Ср.: *Охотник убил медведя* и *Медведь убит охотником*; в обоих случаях С действия является охотник, а О — медведь.

Именно потому, что денотативно-понятийная основа субъектно-предикатно-объектных отношений является решающей при определении С и О в предложении, оказывается возможным «подвижное выражение» С — не только в позиции подлежащего, но и в других позициях.

«Абсолютная свобода» семантики С, П и О от языковой интерпретации невозможна. Сами понятия С, П и О как семантические единицы выделяются не только в результате отражения внеязыковой действительности (в частности, лиц, их действий и объектов, на которые они распространяются), но и в результате регулярного представления этих понятий в синтаксических структурах. Лишь благодаря конструкциям типа «подлежащее — сказуемое — прямое дополнение» стабилизируются семантические единицы, входящие в отношение С — П — О.

Языковая раздельность синтаксических единиц, образующих структуру предложения, поддерживает и систематизирует ту дискретность семантических единиц, которая получает определенные стимулы из внешнего мира. Онтологические предпосылки денотативно-понятийного соотношения С, П и О существенны и несомненны, но несомненно и «обратное воздействие» языка на мышление.

С точки зрения дискретности/недискретности субъектного значения («чисто субъектного» или сопряженного с объектной и частично обстоятельственной семантикой) могут быть выделены два типа субъектности: 1) «чистая» и 2) «сопряженная» субъектность. Такие предложения, как *Сосед строит дом*, представляют первый тип. Предложения же типа *Дом построен*, где функция С состояния сопряжена с функцией О действия, относятся ко второму типу субъектности.

Одна из разновидностей сопряженной субъектности представлена семантическим комплексом, выражаемым в конструкциях типа *Вам придется сдать оружие* формой имени в дат. падеже. Данный комплекс включает следующие функции: а) функцию адресата (косвенного объекта), к которому обращено модальное содержание (придется вам); б) функцию субъекта того действия (*сдать*), которое надлежит совершить. В дат. падеже «косвенного субъекта» сопряжены содержательные элементы, составляю-

щие комплекс: «придется вам» + «вы сдадите». Модальное слово может отсутствовать, но содержательные отношения оказываются аналогичными; элемент потенциональности в данном случае имплицитно передается конструкцией дат. пад. + инфинитив: *Вам дежурить*. Функция объекта (адресата), к которому обращено эксплицитно выраженное или имплицитно переданное модальное содержание, воздействует на функцию субъекта модально характеризованного действия таким образом, что субъектность приобретает косвенный характер.

Сопряженная субъектность представлена и в конструкциях типа *Лодку унесло течение; Его убило молнией; Поля побило градом*. Функция С действия в подобных случаях совмещена с косвенно-объектной функцией орудия и обстоятельственной функцией причины — в синкретическом комплексе «орудие — субъект — причина». В комплексе со значением «стихийной силы» субъект в иерархии сопряженных признаков не занимает доминирующего положения. Под воздействием элементов «орудие» и «причина» субъектность в данном сочетании становится косвенной. Статус субъектности снижается за счет исключения признаков личности, намеренности и актуализации признака «потенциальной энергии» (ср. [19]), связанной с лексическим значением существительных, выступающих в форме твор. падежа. Субъектное значение источника действия сопряжено с орудийностью таким образом, что нет отдельно субъекта и отдельно орудия, а есть единство орудия и стихийной силы как источника и вместе с тем причины действия.

Субъектность, находящая выражение в формах косвенных падежей (например, *Ее не было дома*), всегда так или иначе «снижается в ранге» по сравнению с субъектностью, выраженной подлежащим в форме им. падежа (*Она была дома*), потому что на денотативную основу семантики С наслаивается тот или иной оттенок объектной интерпретации, связанной с формой дополнения. Происходит сдвиг от полной и абсолютной субъектности к денотативной субъектности, совмещенной с интерпретационным элементом объектности.

Семантика С интегрирует разноуровневые средства ее выражения, образующие функционально-семантическое поле (ФСП) с у б ъ е к т н о с т и. Иначе говоря, субъектность — это группировка грамматических (морфологических и синтаксических) и лексических средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов семантики субъекта.

Говоря о лексических средствах выражения С, мы имеем в виду роль лексики в выражении вариантов данной семантической категории на уровне лексически обусловленных различий между такими разновидностями С, как агент (*Мастер чинит приежник*), субъект-инструмент (*Станок обрабатывает детали*), С состояния (*Голова болит*) и т. п.

На основании критериев наибольшей специализированности для выражения семантики С и наибольшей регулярности функционирования грамматическим центром поля субъектности в русском языке (как и во многих других) следует признать подлежащее. В подлежаще-сказуемых предложениях наиболее четко представлена структура «С — П» с дискретным выражением обоих содержательных компонентов. Выражение С другими языковыми средствами мы относим к периферии данного поля.

Содержательные разновидности неопределенно-личного, обобщенно-личного и определенно-личного С в соответствующих типах конструкций характеризуются «более узкой специализацией» по сравнению с С, выражаемым формой им. падежа в позиции подлежащего. Этим обуславливается относительно периферийное положение указанных конструкций в по-

ле субъектности. Вместе с тем они близки к центру поля, поскольку в данных условиях сохраняются признаки субъектности, не пересекающейся с какими-либо элементами объектности.

Явные признаки периферийности характеризуют все типы выражения С формами косвенных падежей имен существительных и местоимений, выступающих в позиции дополнений (*Документ подписан директором; Лодку унесло течением; Вам отвечать; Мне не спится* и т. п.). В подобных конструкциях субъектность связана с той или иной разновидностью объектной интерпретации.

Субъектность в русском языке — это ФСП моноцентрического типа. Данная структура ФСП обусловлена четко выраженной центральной ролью подлежащего среди прочих соответствий С в синтаксической структуре предложения.

Поле субъектности, с одной стороны, пересекается с такими полями, как залоговость и персональность, а с другой — с полем объектности (пересечение касается той сферы периферии субъектности, где ее признаки совмещаются с теми или иными проявлениями объектности). Возможность совмещения признаков С и О в одном и том же элементе структуры предложения свидетельствует о том, что в периферийных зонах поля субъектности противопоставление «С — О» утрачивает абсолютный характер, между субъектностью и объектностью нет резкой грани.

Одним из возможных способов представления субъектно-предикатно-объектных отношений является их описание на основе понятия категориальной ситуации [15, с. 12—14]. Предметом анализа являются «субъектно-предикатно-объектные ситуации» (СПО-ситуации) как типовые структуры языкового содержания высказывания, включающие то или иное отношение к субъекту, предикату и объекту в их взаимных связях и в их отношении к синтаксической структуре предложения.

К постановке вопроса о структурном носителе предикативного признака

Как уже было отмечено выше, структурный носитель предикативного признака (НПП) трактуется нами как понятие, охватывающее подлежащее и другие синтаксические единицы, выполняющие функцию предикатируемого компонента синтаксической структуры предложения; данному компоненту соответствует семантический субъект (в пассивных конструкциях — объект), выступающий как субстанция, которой приписывается предикативный признак. Понятие НПП относится ко всему классу синтаксических единиц с данной функцией и к каждому из элементов этого класса.

НПП может иметь двоякое выражение: 1) дискретное — выступающее в отдельной словоформе, и 2) недискретное — совмещенное с формой предиката. К первому — основному — типу относится НПП, представленный подлежащим (*Директор подписал документ; Он филолог*), заместителями (аналогами) подлежащего (*Куришь вредно; Пришло более двухсот человек*), а также главным членом определительного сочетания (*Директору, подписавшему документ, сказали...*). К данному типу относится и выражение НПП формами дополнения: *Ее здесь не было* и т. п. Недискретное выражение отношения к НПП (при «значущем отсутствии» подлежащего) представлено в предложениях типа *Люблю тебя; Клянешся!; Пиши!; Звонят; Не знаешь, что и делать*.

Рассматриваемый класс синтаксических элементов трактуется нами как полевая структура, центром которой является подлежащее. Подлежа-

щее как прототипический НПП возглавляет ряд других структур, сближающихся с ним в функциональном аспекте (ср. используемое Э. Кинэном понятие базисного подлежащего, с которым сопоставляются подлежащие небазисных предложений [20], с. 236—276]; заметим, что по отношению к периферийным разновидностям НПП мы говорим не о подлежащем, а о функционально соотносимых с ним языковых средствах).

В позиции подлежащего как прототипического структурного НПП получает наиболее полное выражение функция субстанции, которой приписывается предикативный признак. Отношение «С — приписываемый ему (на семантическом уровне) предикативный признак» находит идеальную структурно-синтаксическую репрезентацию среди прочих, имеющих «более низкий ранг» (ср. понятие «низведение субъекта» [21]), в отношении «подлежащее — сказуемое».

Каждый НПП представляет собой единство функции — структурной и семантической [22, 23] — и формы. Структурная функция НПП заключается в той роли, которую данная единица играет в организации предикативного отношения. Семантическая функция НПП — функция элемента содержательного предикативного отношения, характеризуемого предикативным признаком и включенного в свое формальное выражение в предикативную структурную основу предложения. Выделяя семантическую сторону НПП, мы говорим о «семантическом НПП» (см. ниже). Однако исходным пунктом проводимого анализа является структурная сторона НПП.

Общий принцип соотнесения элементов семантической и синтаксической структуры предложения предполагает, что семантическому предикативному признаку соответствует признак структурный — сказуемое (сказуемый признак). Когда речь идет о структурном НПП, то непосредственно имеется в виду носитель структурного (сказуемого) признака и лишь в конечном счете (через форму сказуемого) — носитель признака семантического.

Структурную и семантическую стороны имеет и отношение между предикативным признаком и его носителем — предикативное отношение. Данное отношение, рассматриваемое в синтаксической структуре предложения, представляет собой структурную функцию. Вместе с тем предикативное отношение может рассматриваться как отношение семантическое. Ср., в частности, взаимные связи локализованности/нелокализованности действия во времени и конкретности/неконкретности С: *М о л о д а я к н я г и н я и с п ы т ы в а л а в т о в р е м я т о ч у в с т в о , к а к о е и с п ы т ы в а ю т п р и д в о р н ы е н а ц а р с к о м в ы х о д е...* (Л. Толстой. Война и мир).

Итак, и носитель предикативного признака, и сам этот признак, и отношение между тем и другим — это такие синтаксические субстанции, свойства и отношения, в которых разграничиваются и соотносятся структурные и семантические функции, связанные с теми или иными средствами формального выражения.

Приведем пример анализа, в котором учитывается связь семантической и структурной стороны рассматриваемых отношений. Так, в предложении *Задача вами решена* объект действия (*задача*) выступает как семантический НПП, соотнесенный с НПП структурным. Вместе с тем в данном предложении есть еще один семантический элемент, связанный с предикатом, — С действия, выраженный дополнением *вами*. Этот участник ситуации не совмещен со структурным НПП. Место НПП занято объектом-подлежащим. *Вами* не является структурно предиктируемым

компонентом. Данное агентивное дополнение находится за пределами структурного предикативного отношения. Поэтому С, выраженный этим дополнением, не рассматривается нами как НПП. В анализируемом предложении не два НПП, а лишь один — подлежащее *задача*.

В связи с характеристикой НПП остановимся на представляющих значительный интерес суждениях С. Д. Кацнельсона о понятии «предикандум». С. Д. Кацнельсон связывает это понятие с соотношением синтаксических функций эксплицирования — атрибуции и предикации. В каждой из них выделяется подчинительное синтаксическое отношение, дающее схему, где противопоставление «экспликандум/экспликант» членился на противопоставления «определяемое/определение» и «предикандум/предикат» [24, с. 170]. Понятие предикандума у С. Д. Кацнельсона связано с членением предложения на предикат и его аргументы. Речь идет об определении «предикандумов», или аргументов, как именных (субстанциональных) значений, непосредственно объединяемых предикатом и дополняющих его до уровня предложения» [24, с. 160]. Предикандумы характеризуются как «дополнения» в широком смысле [24, с. 158]. И далее: «Круг синтаксических функций, охватываемых этим понятием, приблизительно покрывается традиционными терминами „субъект предложения“ и „объекты“ (дополнения)» [24, с. 159]. Наше понимание НПП строится на двувершинной концепции структуры предложения при последовательном разграничении (и соотнесении) понятий «субъект» и «подлежащее», «объект» и «дополнение». Однако самый термин «предикандум» представляется уместным и по отношению к НПП в предлагаемой интерпретации.

Семантический носитель предикативного признака

Понятие НПП, как уже было отмечено выше, имеет не только структурный, но и семантический аспект. Выделяя его как особый предмет анализа, мы говорим о семантическом НПП (НПП_с).

НПП_с может быть определен как соответствующий структурному НПП элемент семантической структуры предложения, которому в содержательном плане приписывается предикативный признак. Иначе говоря, это характеризующий элемент содержательного предикативного отношения, семантический предикандум, соответствующий предикандуму структурному.

Данное истолкование НПП_с включает ограничение, касающееся тех С, которые могут быть признаны семантическими носителями предикативного признака. Речь должна идти лишь о тех С, выражение которых включено в структурное предикативное отношение. Отсутствие данного ограничения могло бы привести к фактическому совпадению понятия НПП_с с понятием семантического С и тем самым к удвоению понятий. Так, в предложениях типа *Смета составлена бухгалтером* мы должны были бы признать наличие двух НПП_с: носителя пассивного предикативного признака, выступающего в позиции подлежащего, и носителя активного предикативного признака, выраженного дополнением (*бухгалтером*). Но агентивное дополнение находится за пределами структурного предикативного отношения. Грамматическая предикация ограничивается в таких конструкциях соотношением пассивной формы сказуемого и формы подлежащего.

Понятие НПП_с в данном истолковании связано с разграничением двух типов С — 1) С, который выступает в позиции предикатируемого компонента синтаксической структуры предложения, и 2) того С, который не вы-

полняет в предложении данной функции. Только С первого типа (в пассивных конструкциях ему соответствует О) трактуется нами как НПП_с.

Соотнесение понятия НПП (в структурном и семантическом аспектах) с понятием С позволяет выделить следующие ранги субъектности: 1) С как НПП_с, совмещенный с подлежащим; 2) С, совмещенный с другими репрезентациями неуправляемого НПП; 3) С, выраженный формами дополнения; 4) С, выражение которого находится за пределами предиктируемого компонента предложения. Первые три ранга субъектности соответствуют цепочке постепенных переходов в иерархии НПП. Последний ранг С связан с выходом из той сферы, где С так или иначе соотносится с НПП.

Между рангами субъектности и рангами структурного НПП существует определенная связь. Наиболее высокий ранг комплекса «семантический НПП, представленный в структурном НПП» имеет место тогда, когда прототипический семантический НПП (прежде всего С-агенса) находит соответствие в подлежащем как прототипическом структурном НПП. Далее начинаются разноаспектные «понижения ранга».

НПП_с выступает в двух разновидностях: 1) (основная) — носитель *п а с с и в н о г о* предикативного признака, т. е. НПП_с, соотнесенный с С и соответствующий структурному НПП в активных конструкциях; 2) (периферийная) — носитель *п а с с и в н о г о* признака, т. е. НПП_с, соотнесенный с О действия и соответствующий структурному НПП в пассивных конструкциях.

Различие С и О действия в указанных типах конструкций определяет разновидности пассивного/непассивного НПП_с, но не меняет сущности НПП как предиктируемого компонента синтаксической структуры предложения и НПП_с как предиктируемого компонента семантической структуры. Выступая в позиции предиктируемого компонента (*Он уехал и был забыт*), С и О действия объединяются как разновидности функции предикандума.

НПП_с, с одной стороны, оказывается столь широким понятием, что охватывает и С, и О (выступающие в указанной функции), а с другой — это понятие отличается синтаксической специализацией и синтаксическим ограничением: не всякий С (и, конечно, не всякий О) является НПП_с — им может быть только тот С и тот О, который включен в предикативное отношение, выступая в позиции и в функции предиктируемого компонента синтаксической структуры предложения.

Итак, специфической особенностью понятия НПП является его зависимость от понятия «предикативное отношение» (в обоих его аспектах — как семантическом, так и структурном). НПП выступает как тот элемент данного отношения, который характеризуется предикатом. Именно определяемость «со стороны предиката» обуславливает соотнесенность НПП не только с С, но и с О (в пассивных конструкциях).

В дальнейшем изложении мы сосредоточим основное внимание на структурном аспекте понятия НПП, т. е. далее речь будет идти о структурном НПП.

Использование понятия НПП при анализе категории залога

Рассмотрим ряд синтаксических конструкций, не содержащих подлежащего, но заключающих в себе другие репрезентации НПП. Имеются в виду предложения определенно-личные (*Клянуся; Садитесь!*), неопределенно-личные (*Нас ждут*) и обобщенно-личные (*Его не поймешь*). Поскольку во всех случаях такого рода С соответствует так или иначе выра-

женному НПП, хотя и не подлежащему, такие конструкции должны рассматриваться как активные. Если бы не было введено более широкое понятие, включающее помимо подлежащего и другие единицы, функционально сопоставимые с ним, то рассуждение типа «С не занимает позицию подлежащего» могло бы привести к выводу о том, что указанные конструкции относятся к пассиву. Таким образом, понятие НПП становится полезным при определении залоговой принадлежности ряда конструкций в тех условиях, когда понятие подлежащего оказывается недостаточным.

Использование понятия НПП целесообразно и при анализе предложений с полными активными и пассивными причастиями, согласующимися с существительными в косвенных падежах: *Человека, написавшего эту книгу...*; *Вопросу, рассмотренному нами...* и т. п. Налицо, НПП, которому соответствует либо С (*Человека, который написал...*), либо О (*Вопросу, который был рассмотрен...*).

Понятие НПП может быть введено в характеристику различия между активными и пассивными конструкциями. Активные конструкции представляют действие как исходящее от С, который выступает в позиции подлежащего или какого-либо иного НПП. Пассивные же конструкции характеризуются таким представлением действия, при котором С (если он выражен) устраняется с указанной позиции и ее занимает О. Соотношение НПП с С или с О определяет исходно-субъектную ориентацию предиката в активных конструкциях и исходно-объектную ориентацию предиката в конструкциях пассивных.

Существуют и другие возможности анализа «трудных случаев», когда в синтаксической конструкции отсутствует «эталонное» подлежащее, но может идти речь о каких-то смежных явлениях. Так, А. В. Исаченко, обратив внимание при рассмотрении категории залога на конструкции типа *Я вижу бегущую лошадь*; *Я получил посланную братом книгу*, пишет: «Термин „подлежащее“ употребляется здесь в самом широком смысле. Это тот член глагольно-именной синтагмы, который либо выступает в функции подлежащего полной предикации (*Брат послал книгу — Книга послана братом*), либо является „подлежащим“ (здесь примечательны кавычки, свидетельствующие о несобственном или необычном смысле термина. — Б. А.) полупредикативных конструкций (причастных, деепричастных). В предложении *Я вижу бегущую лошадь* синтагма *бегущую лошадь* является объектом предложения, но внутри этой синтагмы слово *лошадь* является подлежащим по отношению к *бегущую* (ср. *лошадь бежит*). В предложении *Я получил посланную братом книгу* синтагма *посланную книгу* является объектом предложения; но внутри этой синтагмы слово *книгу* является подлежащим пассивного словосочетания *посланная книга* (ср. *Книга была послана*)» [25].

Различные способы расширения понятия подлежащего, в том числе и указанный выше, имеют свои основания, однако с ними связаны и немалые трудности: понятие подлежащего становится двойственным и утрачивает свою определенность.

НПП в неопределенно-личных, обобщенно-личных и определенно-личных предложениях

В неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкциях соотношение П с С находит выражение в специфической форме сказуемого — 3 л. мн. числа, не соотносительном с 3 л. ед. числа (*Стучат*) и 2 л. ед.

числа, не соотносительном с 2 л. мн. числа (*Его не поймешь*). В случаях типа *Клянусь* С находит выражение в той форме 1 л., которая является основой конструкции, не требующей восполнения личным местоимением, хотя и допускающей соотносительность с *Я* *клянусь*. В конструкциях типа *Откройте!* в форме предиката выражен и субъект-исполнитель.

Может возникнуть вопрос: закономерно ли объединять в рамках понятия НПП подлежащее и недискретное выражение отношения к НПП в форме сказуемого?

Препятствием для объединения рассматриваемых структур с подлежащим в составе рассматриваемого класса НПП может показаться различие предложений односоставных и двусоставных. По этому поводу можно сказать следующее. Как уже отмечалось в лингвистической литературе, между двусоставными и односоставными предложениями нет резкой грани (ср. [26, с. 29—31]). Предложения типа *Я люблю тебя* и *Люблю тебя* по их субъектно-предикатной структуре, на наш взгляд, ближе друг к другу, чем предложения типа *Люблю тебя* и *Тишина*, объединяемые в классе односоставных. Если в предложениях типа *Тишина* налицо как структурная, так и семантическая «субъектно-предикатная недискретность», то в случаях типа *Люблю тебя* можно говорить не только о семантической, но и о «скрытой» структурной двучленности: выражение С, заключенное в форме предиката, сочетается со «значущим отсутствием» вербально выраженного подлежащего. Это относится ко всем указанным конструкциям с недискретным выражением НПП.

Среди предложений с НПП, соотносенным с определенно-, неопределенно- и обобщенно-личным С, может быть намечена иерархия с точки зрения близости/отдаленности по отношению к подлежащно-сказуемым предложениям. Наиболее близки к ним (по признаку соотносительности типа *Спешу/Я спешу*) индикативные определенно-личные предложения, далее следуют императивные предложения (*Спеши!*), характеризующиеся ограниченными возможностями соотносительности с предложениями, включающими личные местоимения 2 л. в роли подлежащего, и, наконец, обобщенно- и неопределенно-личные предложения.

О «нулевом НПП»

Вводя в определение НПП указание на «предицируемый компонент структуры предложения», мы имеем в виду не только семантическую, но и структурную сторону предикации. Возникает вопрос: все ли репрезентации НПП соответствуют такому пониманию предицируемости? Речь идет, в частности, о неопределенно-, обобщенно- и определенно-личных предложениях.

В упомянутых типах предложений выражение НПП не ограничивается формальными показателями лица и числа (а в императивных конструкциях — и наклонения) в форме сказуемого. Как уже было отмечено выше, в данных условиях в выражении НПП принимает участие и «значащее отсутствие» подлежащего. В связи с этим возникает вопрос о «синтаксическом нуле».

Обращение к «нулевому подлежащему» в принципе возможно (ср. понятие «нулевой лексемы со значением лица», используемое Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым при анализе неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений [27]). Поскольку, однако, в нашем распоряжении имеется более широкое понятие НПП, оно и может быть использовано в «нулевом варианте». Рассматривая предложения ти-

па *Звонят*; *С ним не пропадешь*; *Клянусь*; *Пиши!*, можно полагать, что в них представлен нулевой элемент структуры предложения, являющийся по своей функции носителем предикативного признака, — «нулевой НПП».

В данном случае нет необходимости жестко связывать «нулевой НПП» с какой-то определенной (лишь одной) интерпретацией «синтаксического нуля»: в неопределенно-, обобщенно- и определенно-личных предложениях представлены разные синтаксические условия, в которых значащее отсутствие подлежащего находит различные проявления. В форме сказуемого выражено отношение связи предиката с субъектом-лицом. В сказуемом выражена проекция связи предикативного признака с его носителем. Это предполагает и формальную «типовую проекцию» на некоторый структурный элемент, находящийся вне сказуемого. Такого элемента в «положительной» реализации в данных условиях нет, но можно предположить, что структура рассматриваемых предложений включает тот нематериализованный элемент, который мы называем «нулевым НПП».

Вопрос о расширении понятия подлежащего

На наш взгляд, было бы целесообразно сохранить понятие подлежащего в его обычном, не расширенном истолковании. Данная точка зрения расходится с широким пониманием подлежащего, включающим различные типы его неноминативного выражения (ср. интерпретацию предложений типа *Ему не работается*; *Ему грустно*; *Воды нет*; *Народу прибывает* и т. п. в работах [28: 26, с. 26—27; 29]).

Заметим, что объективные предпосылки расширения понятия подлежащего и предлагаемого нами объединения целого класса синтаксических единиц в понятие НПП — по существу одни и те же: это наличие ряда синтаксических структур, в которых нет канонического подлежащего, но есть иные синтаксические элементы, функционально в том или ином отношении сближающиеся с подлежащим. Для нас нет необходимости расширять понятие подлежащего именно потому, что широкое понятие НПП дает возможность, с одной стороны охватить целый ряд близких по своей функции структур, а с другой — сохранить термин «подлежащее» в его четком каноническом истолковании. Примечательно, что идея «нулевого подлежащего» естественно вписывается именно в «узкое» понимание подлежащего: имеется в виду значащее отсутствие подлежащего, выраженного формой им. падежа.

В понятии подлежащего для нас существенно свойство предципируемого компонента, связанного со сказуемым отношением координации (об этом понятии см. [30, с. 35—37]). Что же касается конструкций типа *Ему не работается*; *Ему грустно*; *Воды нет* и т. п., то они заключают в себе элементы не координируемые, а управляемые. Они представляют собой не подлежащее, а дополнение.

Подчеркнем, что предлагаемая трактовка НПП, в том числе и подлежащего, соответствует двувершинной концепции предложения (ср. истолкование предикативного отношения на основе принципа грамматической взаимообусловленности в интерпретации В. Г. Адмони [31]).

Особый вопрос заключается в определении того, где проходит граница между подлежащим и его ближайшим окружением. В русском языке признаками подлежащего во всей их полноте характеризуется лишь форма им. падежа. Примающие к нему «бесформенные слова» (*Далече грануло ура*) и другие «заместители» подлежащего (ср. [32]) представляют собой ту «ближайшую периферию», которую трудно отделить от центра, но вмес-

те с тем нецелесообразно включать в понятие «прототипического подлежащего» (об этом понятии см. [33, с. 6—7]).

К заместителям подлежащего мы относим и инфинитив в случаях типа *Кататься — весело; Руководить значит проверять* (ср. нередко встречающуюся интерпретацию инфинитива как подлинного подлежащего). Если форма им. падежа представляет собой такое выражение независимой субстанции, которое способно быть центром координации со сказуемым по определенным грамматическим категориям, то инфинитив не может выполнять такую функцию (о различии синтаксических функций им. падежа существительных и местоимений, с одной стороны, и инфинитива, признаваемого подлежащим, с другой, см. [34]; ср. анализ свойств прототипического подлежащего в русском языке в [33, с. 8—27]).

Таким образом, в иерархии представителей родового понятия НПП выявляется цепочка постепенных переходов: подлежащее (центр того множества синтаксических единиц, которое охватывается понятием НПП) — заместители (аналоги) подлежащего (пограничная зона между центром и периферией) — другие разновидности НПП (явно выраженная периферия).

НПП, выраженный формами дополнения

Исчерпывается ли понятие НПП теми единицами, о которых шла речь выше? Думается, что рассмотренные выше языковые средства, сближающиеся с подлежащим по функции предикцируемого компонента синтаксической структуры предложения, представляют лишь часть единиц, которые могли бы трактоваться как НПП. Понятие НПП допускает расширение круга охватываемых им средств за счет включения в него форм дополнения.

Рассмотрим в данной связи безличные конструкции с род. падежом имени в функции С при глаголе с отрицанием: *Ее здесь не было; Ответа не последовало* и т. п. (ср. [35]). В таких конструкциях есть все основания признать наличие предикцируемого компонента, т. е. НПП (но не подлежащего!). Заметим, что формы род. падежа (*ее, ответа*) не представляют управления, свойственного тем глаголам, при которых они выступают: глаголы *быть* и *последовать* сами по себе не управляют род. падежом. Наличие обусловленный отрицанием «сдвиг синтаксических связей», преобразующий структуру предложения в целом. Ср. также пассивные конструкции типа *Нарушений общественного порядка не зарегистрировано*: форма род. падежа в функции НПП выступает при страдательном причастии, т. е. той форме, которая сама по себе (без отрицания) с род. падежом не сочетается (ср. *Зарегистрированы нарушения общественного порядка*). Такая соотносительность подчеркивает сопоставимость в данных условиях им. падежа подлежащего и род. падежа дополнения как форм, выступающих в функции НПП.

Заслуживает внимания предложения типа *Мне не работается; Брату нездоровится; Ему весело; Ему взгрустнулось*. Известна констатация в таких случаях значения субъекта состояния [26, с. 26—27]. Признавая в подобных предложениях денотативно-понятийную субъектность, следует подчеркнуть, что она сопряжена с интерпретационным элементом объектности, связанной со всей безличной конструкцией, включающей косвенное дополнение. Это не только фактор синтаксической структуры, но и существенный компонент языковой семантики: денотативно-понятийный субъект получает в данной конструкции объектную интерпретацию: обозначение безличного предиката состояния соотносится с обозначением

«того, кого оно касается». Именно с этим связано семантическое различие между способами представления С как «источника» состояния (*Брат грустит*) и С, к которому отнесено (как к косвенному объекту) безличное состояние (*Брату грустно*).

В предложениях типа *Меня знобит; Большую лихорадит; Меня клонит в сон; Меня тянет к морю; Меня подмывает ответить* и т. п. Г. А. Золотова констатирует следующие отношения: «Предицируемый компонент со значением личного субъекта непроизвольного состояния при безличных глаголах состояния (физического или душевного) и некоторых глаголах модального значения, а также при метафорических фразеологически связанных способах выражения состояния» [36]. Соглашаясь с данным истолкованием в той мере, в какой оно отражает денотативно-понятийную основу выражаемой семантики, заметим, что, с нашей точки зрения, элемент «субъект состояния» сопряжен здесь с объектной интерпретацией, исходящей от формы прямого дополнения с ее значением субстанции, зависимой от действия, выраженного глаголом-сказуемым.

Не менее сложен структурный аспект рассматриваемых отношений: можно ли говорить в таких случаях о предицируемом компоненте, о структурном НПП? На наш взгляд, такое истолкование языковых фактов возможно (хотя изучаемые отношения чрезвычайно сложны и допускают различные интерпретации).

Признание управляемого члена предложения структурным НПП, т. е. предицируемым компонентом, требует особых пояснений. Очевидно, для того, чтобы за дополнением мог быть признан статус НПП, необходимо, чтобы в предложении не было другого компонента, соотносящегося с предикатом. Если использовать терминологию, связанную с предикатом и актантами, то речь должна идти об актанте при одноместном предикате. В этих условиях предикативное отношение, рассматриваемое в его семантическом и структурном аспектах, может трактоваться как такое отношение, которое может иметь и форму управления. Здесь есть определенное противоречие между принципом взаимообусловленности в предикативном отношении [30, с. 110—111] и односторонней зависимостью от сказуемого, характеризующей управляемое дополнение. Однако в упомянутых предложениях управление можно рассматривать как формальную связь, совместимую с «стоящей выше» функцией предикативного отношения (ср. замечание Э. Кинзена о том, что свойство глагольного согласования не является необходимым условием базисной подлежащности [20, с. 252]).

В конструкциях с указанными типами дополнений (ср. используемое Р. Мразеком и С. Жакей понятие «субъектное дополнение» [37]) следует признать наличие НПП, но не основного подкласса (НПП₁), а периферийного подкласса (НПП₂), который отличается наличием синтаксической зависимости от сказуемого, выраженной в управлении. Как уже было отмечено выше, эта зависимость не проходит бесследно для способов представления (языковой семантической интерпретации) смысловой основы семантики субъектности.

Итак, одно из возможных решений рассматриваемого вопроса заключается в том, что в рамках НПП как класса синтаксических единиц с функцией предицируемого компонента структуры предложения могут быть выделены два подкласса: 1) неуправляемый (НПП₁) и 2) управляемый (НПП₂).

Включение в класс НПП языковых единиц не только типа НПП₁, но и типа НПП₂ представляется целесообразным уже потому, что благодаря расширению класса синтаксических элементов с функцией НПП воз-

растает объяснительная сила этого понятия. Существенно, в частности, что разграничение и соотнесение подклассов НПП₁ и НПП₂ позволяет выявить различия в способах языковой интерпретации семантики субъектности, связанных с указанными разновидностями НПП (уже в рамках НПП₁ существуют различия в способах представления С, определяемые спецификой каждой из репрезентаций НПП₁, но при сопоставлении НПП₁ и НПП₂ различия в оттенках представления смыслового содержания субъектности выступают особенно четко). Вместе с тем необходимо принять во внимание, что подкласс НПП₂, обликаясь с подклассом НПП₁ в функциональном отношении (по функции предикандума), существенно отличается от подлежащего и других представителей подкласса НПП₁ (имеется в виду дискретное выражение НПП) с точки зрения структурных связей форм, выражающих предикативный признак и его носителя. Такое различие, однако, не должно препятствовать тому расширению круга репрезентаций НПП, о котором шла речь выше. Необходимо учитывать, что понятие НПП имеет прежде всего функциональную природу, хотя каждый раз функция рассматривается в единстве с теми или иными языковыми средствами. Заметим, что уже выражение отношения к НПП, заключенное в форме предиката неопределенно-личных, обобщенно-личных и определено-личных предложений при «значащем отсутствии» подлежащего с точки зрения типа формального выражения, существенно отличается от НПП в структуре эталонного двусоставного предложения. Функциональная направленность анализа, связанного с понятием НПП, неизбежно оказывается сопряженной с признанием структурной разнородности формальных средств и их связей, охватываемых данной функцией.

*

Наиболее существенный фактор, определяющий специфику понятия НПП и целесообразность его использования, состоит в следующем. В этом понятии заключено единство структурной функции предикандума и семантической функции предикандума (ср. двойственность тех соответствий на семантическом уровне, которые присущи подлежащему в обычном понимании, — соответствия субъекту в активной конструкции и объекту в пассивной; единая семантическая характеристика может быть приписана подлежащему лишь в том случае, если оно рассматривается как прототипический структурный носитель предикативного признака).

Речь идет о разных функциях в том отношении, что одна из них — структурная, а другая — семантическая, но они объединяются по своей сущности предикандума. Важно то, что функция семантического предикандума присуща той же синтаксической единице, которая обладает функцией предикандума структурного (это вытекает из изложенного выше толкования НПП_с, которое предполагает обязательное включение формального выражения семантического предикандума в структурное предикативное отношение). Функция семантического предикандума составляет семантическое содержание структурного НПП. Поэтому в данной статье понятия структурного и семантического НПП не «разводятся по разным объектам», а соотносятся как отражения структурной и семантической функций предикандума, находящих выражение в одной и той же форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Subject and topics / Ed. by Li Ch. N. N. Y., 1976.
2. Степанов Ю. С. Иерархия имен и ранги субъектов // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.

3. Кубрик А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
4. Dik S. C. Studies in functional grammar. L., 1980.
5. Daneš F., Hlavsa Z. a kol. Větné vzorce v češtině. Praha, 1981.
6. Sgall P., Hajičová E., Panevová J. The meaning of the sentence in its semantic and pragmatic aspects. Prague. 1986.
7. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 83—92, 210—217, 240—245, 258—263, 275.
8. Долинина И. Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л., 1989.
9. Fillmore Ch. J. The case for case // Universals in linguistic theory / Ed. by Bach E., Harms R. T. N. Y., 1968.
10. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 277—292.
11. Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981. С. 12—13.
12. Солнцев В. М. Грамматическая структура и актуальное членение предложения (Вместо предисловия) // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984. С. 6—7.
13. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
14. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. № 1.
15. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
16. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989. С. 10—68.
17. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 226—230.
18. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 22.
19. Сальников Н. Безличные предложения типа «Крышу сорвало ветром» // RLing. 1977. 3.
20. Кинэн Э. Л. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
21. Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
22. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 42—47.
23. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. С. 63—64.
24. Качельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
25. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словачским. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960. С. 345.
26. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
27. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М., 1990. С. 110—118.
28. Вечорек Д. Несогласованные асимметричные русские предложения в сопоставлении с польским. Wrocław, 1982. С. 15.
29. Золотова Г. А. О принципах классификации простого предложения // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 15—16.
30. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
31. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988. С. 16, 110—112, 165—168.
32. Попов А. С. Грамматическое и стилистическое своеобразие современных русских предложений с количественными подлежащими // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
33. Козинский И. Ш. О категории «подлежащее» в русском языке. М., 1983.
34. Шмелев А. Д. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976. С. 40.
35. Попов А. С. Русские отрицательные безличные предложения с родительным падежом существительного и проблемы подлежащего // Русский синтаксис. Воронеж, 1977.
36. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988. С. 154.
37. Mrázek R., Zařa S. Pojem subjektu vzhledem k typologii slovanské věty // Československá slavistika. Praha. 1983. S. 52—53.